

Раиса Пчелинцева

КОЛЫМСКИЙ ИЗЛОМ

История одной семьи

Хочу представить вашему вниманию книгу Пчелинцевой Раисы Захаровны - замечательного человека, родившегося и выросшего на многострадальной земле, нашей малой родине – Колыме. Эта высокая честь оказана мне, как единственной, живущей в Магадане, близкой родственнице (она является младшей сестрой моей бабушки по отцу), хорошо знающей автора.

Впервые я познакомилась с Раисой Захаровной будучи еще ребенком, в конце шестидесятых годов. Конечно же, в том возрасте я не понимала, с каким человеком свела меня судьба. Запомнилась она мне просто доброй и милой тетей Раей.

Следующая наша встреча произошла уже через сорок лет, в 2010 году. На тот момент я уже хорошо знала, через какие трудности, лишения прошли люди, подвергшиеся политическим репрессиям и отбывавшие свой срок на Колыме. Их судьбу разделила и семья моей двоюродной бабушки – Пчелинцевой Раисы Захаровны.

Родившись в 1936 году в поселке Ола, окончив школу и Магаданский горный техникум, а в дальнейшем и Московский заочный политехнический институт, она посвятила всю свою жизнь геологии. Пройдя сотни километров колымских просторов, она навсегда оставила здесь свое сердце!

Доработав до пенсии, она вместе с супругом переехала в конце восьмидесятых в Свердловск, где не прекращала свою связь с геологами-дальневосточниками, а в 1998 году приняла активное участие в составлении и издании альманаха «Уральцы на Колыме и Чукотке».

В данный момент Раиса Захаровна живет с детьми и внуками в Санкт-Петербурге.

Единственная из родни, она всю жизнь по крупицам собирала достоверную информацию, факты, старинные снимки обо всех своих многочисленных родственниках, в итоге написав чудесную книгу-воспоминание о временах, полных трагизма и радостей.

Думаю, читателю будет интересно ознакомиться с повествованием и пережить вместе с автором события тех лет.

Виктория Владимировна Тонких-Речиц

Идея собрать информацию о своей огромной родне, о нечеловеческом подвиге моих предков пришла мне сразу после 1991 года, когда все стало доступным, когда были получены справки о реабилитации родителей, когда были сделаны попытки вернуть или получить компенсацию за утраченное родительское имущество, когда мы, дети, родившиеся, по сути, в неволе и получили статус пострадавших от репрессий.

Я собрала множество фотографий, текстов, воспоминаний родных и двоюродных сестер. Эпизодами жизни в период репрессий поделились все, кто что-либо мог вспомнить.

К великому сожалению, утрачена навсегда информация из первых уст о жизни староверов крестьян-земледельцев: о том, как добирались с Волги до амурских земель, как обустроивались на новом месте, как и с кем торговали результатами своего земледельческого труда, как стойчески переносили невзгоды в тюрьмах и лагерях дед и 3 его сына.

В семьях существовал негласный закон, запрещающий всякие расспросы и разговоры-пересуды. Страх самосохранения может быть не совсем приличное человеческое качество, но эта тема всегда была табу, именно по этой причине.

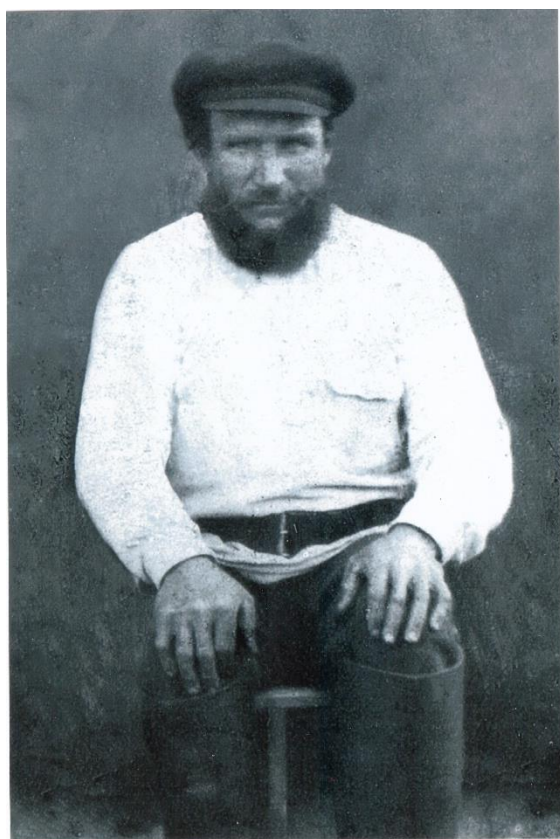
Родина моих предков – правобережное низовье реки Волги, Саратовская губерния. Мои предки крестьяне-землепашцы, по вероисповеданию – староверы.

Судьба моих родных – это судьба многих тысяч русских крестьян, принявших участие в добровольном переселении на восточные земли России.

Переселение староверческих крестьянских семей на Дальний Восток происходило на протяжении всего XIX и начала XX веков. Сам процесс переселения не был спонтанным. Это был пусть не сразу, но четкий, организованный и отлаженный механизм, отрегулированная работа. Переселение происходило по разрешению отпускающих и принимающих сторон – властей, с четкой регистрацией, при отсутствии долгов, обременений, при наличии средств на дорогу. Расселялись староверы семьями, принадлежащими разным ветвям старообрядческой веры. Православных переселенцев размещали изолированно от староверов во избежание конфликтов.

С собой переселенцы везли не только скарб и семьи с детьми, но и географию – бескрайние так схожие просторы Волги и Амура; деревням крестьяне давали названия покинутых на родине поселений. И на новой земле эти русские трудяги сохраняли свой уклад жизни. Грамоте их обучила сама земля, работа на ней, они заботились о наследниках и благоустройстве своих поселений.

Мой дед Иван Родионович начал поход на Восток где-то на рубеже 1905-1907 годов, скорее всего уже по построенной транссибирской железнодорожной магистрали. Он совершил этот переезд со своей супругой – моей бабушкой Натальей Самсоновной и четырьмя сыновьями, младшему из которых было не более 7 лет.

По прибытии на территорию Забайкалья попытались остановиться на этой земле, но что-то не срослось. Далее

путь на Восток уже лежал сплавом на плотках по рекам Аргунь и Амур до г. Благовещенска, так-как на этом интервале еще не было построено железной дороги.

По пути следования (а ведь это общее расстояние более 7 тысяч километров) местными властями переселенцам гарантировалась помощь в приобретении продуктов питания, оказании медицинской помощи, размещении членов семей. По прибытии на берега Амура дед получил право поселиться на стрелке рек Зeya и Амур – здесь уже существовал староверческий скит их саратовских переселенцев. Он получил надел земли для строительства дома с хозяйскими постройками. Были получены земли под пашни, под выпас скотины и сенокос, земли, которые обеспечивали на новом месте независимость от нищеты. Это поселение было названо Загородная Селитьба Амура-Зейского уезда. На рубеже 1915 года в этой деревне насчитывалось 143 человека.

Взрослели сыновья: Андрей (1888 г.), Захар (1896 г.), Маркел (1900 г.), Леонтий (1903 г.) и становились помощниками родителям в обустройстве родительской усадьбы. Трудились сыновья усердно, думая о своих будущих семьях, о своих будущих домах.

О жизни моих родных в Загородной Селитьбе мне известно из воспоминаний моих старших сестер Ольги (1920 г.р.) и Татьяны (1922 г.р.). Для трех семей старших братьев были построены рубленые пятистенные дома с большими сенями, которые летом использовались для сна. Младший сын жил с семьей в родительском доме – так повелось в деревне. Обстановка в домах была небогатая: стол, две скамьи, за русской печью двухъярусные полати, кровать (только для родителей), кухонный стол, где готовилась пища. Над столом располагались иконы и большой крест. Надворные постройки крестьянских усадеб – это огромное хозяйство.

В крытом бревенчатом домике над погребом хранились все съестные припасы.

Для свиней была клетка под крышей; курятник для кур был в виде клетки и избушки, которая отапливалась в зимнее время. В землянке были 4 козы, в

крытой добротной конюшне, рубленой из бревен, было стойло для 2-х лошадей и 2-х коров.

Был сеновал и завозня – большой бревенчатый сарай под крышей с ларями для хранения муки и зерна с отрубями для скота.

Дедушка, бабушка, сыновья с женами и детьми трудились на заимке, располагавшейся в 15 км от деревни. Поэтому все взрослые и дети по силам трудились, засевая поля пшеницей и овсом. И на заимке быт был по-деревенски тоже обустроен – два домика для отдыха, баня, сарай для лошадей, коровник, колода для корма скота, молотилка, жнейка, бороны, телеги, лошадиная сбруя.

Хозяйство было почти натуральным, обеспечивая семьи всем необходимым. Никакой рабочей наемной силы не было. На поля выходило сразу 10 человек взрослых (дед, бабушка, 4 сына, 4 невестки) и подростки уже внуки. Трудились от зари до зари.

Мои родственники, в том числе мои родители, относились к староверам-беспоповцам. Проповеди они слушали в молельном доме; старостой их общины был мой дед. Детвора тоже посещала молельный дом с удовольствием – это было своеобразное для них развлечение. Дети любили подарки в виде носильных обновок (юбки, платки, обувь) – новыми ботинками можно было похвастаться перед сверстниками. Подарками гордились, их берегли.

Я прилагаю фотографии моих родных, сделанные до 1929 года – простые русские лица, простая крестьянская одежда и дети бесхитростные, здоровьем не обделенные.

Осень 1929 года была солнечной, урожай был собран, готовились хозяйства к зиме. В один из дней в деревне появились представители надзорной власти и забрали под конвоем половину мужского населения. Дед и три его сына были осуждены 15 января 1930 года по статье 58 – 8 - 10 Амуро-Зейским судом г. Благовещенска. Они пережили тюремные расстрельные (целый месяц ожидали расстрела) камеры, позднее этапы до г. Владивостока. Здесь мужчин расформировали на две группы. Сына Андрея отправили на побережье Приморского края. Во Владивостоке на Черной Речке дед и два сына Захар и Леонтий ждали этапа на Колыму. Дед умирает, а сыновья отправляются на Колыму по этапу на долгие десятилетия. Они были в числе первой тысячи, доставленных в бухту Нагаево. А сын Маркел с семьей и матерью скрывался по стране (Камчатка, Кавказ, Донбасс, Сахалин) – столь велик был страх перед «правосудием».

Судьбы всех детей деда сложились по-разному.

Андрей после разлуки с отцом и братьями был направлен на поселение в бухту Светлую на севере Приморского края (деревня Бабковое), где в 1933 году он смог воссоединиться с семьей, проживавшей в г. Бирокане. После того, как были увезены в тюрьмы хозяева семей, оставшиеся матери с детьми, побросав дома, скотину, землю искали сохранного места на отрезке железной дороги от г. Свободного до г. Биракана.

В 1936 году Андрей обратился с прошением на имя всесоюзного старосты М. И. Калинина и был помилован. Свобода была приобретена условно. Ему было позволено поселиться на железнодорожной станции Литовко в 108 км к северу от г. Хабаровска. Ему было уже 48 лет; на войну он не призывался, воспитывал внука, занимался огородничеством и пчеловодством. Он умер в 1963 году в возрасте 75 лет.

Супругу Матрену Петровну дети забрали в г. Белогорск (тогда это была станция Куйбышевка Восточная), который избрали местом постоянного жительства, где образовали собственные семьи.

Все дети: Устинья (даты жизни не известны), Матрёна (04.10.1913-08.07.1981), Пелагея (), Николай (), Леонид (), Ефросинья (11.10.1926-11.01.2000) рождены в Загорной Селитьбе Амуро-Зейского уезда. Никто из них не попытался вернуться в покинутую родную деревню, хотя до неё от г. Белогорска не более полутора сотен километров. Все дети вместе с матерью упокоились на

Никольском погосте г. Белогорска. Я знала всех этих людей в детстве в 1950-1952г.

В 2011 году я была в Белогорске по поводу обустройства могилы моей мамы и встречалась уже с внуками дяди Андрея, детьми Леонида и Ефросиньи (всего у дяди Андрея было 16 внуков, некоторых уже нет в живых). Все они пенсионного возраста, все благополучны. Мы встретились в общем-то незнакомые, но родные по крови люди, чувствовали своё родство, потому что знали свои корни и помнили беду своих близких. Нас объединяла память.

Дядя Маркел. Его семья не подверглась репрессиям, но оставаться в родной деревне было небезопасно.

На период 1929 года его семья состояла из супруги Екатерины Прокопьевны (в девичестве Щегловой, 07.12.1901 г.р.) и двух дочерей – Федосьи (25.07.1926г.р.) и Марии (03.05.1929г.р.). С ними постоянно находилась наша бабушка Наталья Самсоновна – ей тогда было около шестидесяти лет. И вот, бросив дом, все имущество, с малышами и с матерью – старухой, Маркел скрытно убегает из деревни. Оказавшись во Владивостоке, он вербует на Камчатку в качестве колониста – это тоже был шаг отчаяния, лишь бы не лагерь.

Обосновывается он в посёлке Большереченск, который расположен был на берегу Охотского моря. У меня имеется карта ГУЛАГА – так вот вся внутриохотская береговая линия Камчатки – это лагеря заключенных. Местное население – камчадалы, род занятий – охота и рыбная ловля. Когда появились первые колонисты, крестьяне по духу, сразу образовались земельные сельскохозяйственные артели, потом совхозы, чтобы заставить приезжих возделывать землю и получать урожай. Первым делом дядя Маркел строит дом, разводит огород. Работа у него была экзотическая – он занимался извозом – возил грузы в посёлки, расположенные во внутренних районах Камчатки. Для этого у него были собачьи упряжки – он служил настоящим каюром. В этот период семья пополнилась на 2 человека – родилась дочь Анна (1935г.) и сын Иван (1937г.). Место рождения детей – посёлок Апача Большереченского района.

В 1939 году дядя Маркел с семьёй возвращается на материк к родным сначала в г.Свободный, потом в г. Биракан. Снова строит дом (не нужно думать, что это были хоромы, просто это было всё не более чем крыша над головой, скромно и по возможностям). Все тяжелые годы войны прожиты на этой железнодорожной станции – здесь осело значительное количество семей

староверов из Загорной Селитьбы, бежавших от репрессий. Бабушка умерла в январе 1939 года, так и не узнав ничего о судьбе своего мужа и трех её сыновей. К периоду жизни в Биракане относится очень трогательная история: моя сестра Татьяна была проездом через Биракан (она была направлена на отдых на курорт Осипенко на Азовском море) и случайно в станционной толпе увидела человека, очень похожего на своего дядю (ей было всего 7 лет, когда всех насильно разлучили). Она к нему так и обратилась: - Дяденька, вы Пчелинцев Маркел Иванович? – после целого десятилетия это была первая весточка о том, что братья живы, семьи сохранены, даже пополнились младшими детьми и внуками.

В трудные послевоенные годы (1947г.) дядя Маркел с семьёй уезжает на Северный Кавказ. Только от отчаяния можно было предпринять эту попытку. Незнакомый климат, незнакомые условия жизни, отсутствие собственного угла заставляют семью снова тронуться в путь – теперь на Донбасс. Но здесь тоже печальная разруха, не уют и всё чужое. И в 1951 году после четырёх лет скитаний семья возвращается на Дальний Восток на Сахалин, где старшие дочери обустраиваются в г. Южно-Сахалинске, а дядя Маркел с женой и младшими детьми выбирает для жительства поселок Взморье. Это железнодорожная станция на берегу Охотского моря, восточное побережье острова. Здесь строится уже добротный дом со всеми дворово -хозяйственными постройками. Рабочим местом дяди Маркела были станционные стройки в качестве бригадира, прораба.

В 1966 году Маркел Иванович выходит на пенсию и с супругой и младшей дочерью перебирается в г. Хабаровск, где он покупает дом с высокими до трёх метров потолками, с большими окнами и огородом. Огородные посадки высоко результативны, рядом могучая река Амур. Для забавы были посажены кедры, которые осенью стоят с шишками – плодоносят. Двор полон цветов, в сараях куры и поросята – крестьянин всегда крестьянин, как не ломай его через колено.

В 1981 году я с младшей дочерью посетила стариков – беседовали и фотографировались на память, но, чтобы расспросить о пережитом, мне даже не пришло в голову. Это ещё были годы, когда даже мысль была табу. В 1982 году

не стало Екатерины Прокопьевны, а в 1985 году в возрасте 85 лет умер дядя Маркел. Они покоятся под общей памятной плитой на городском кладбище.

К
ветвь
в этой

сожалению
Пчелинцевых
семье
прервалась –

у четверых детей рождались только девочки. Но одна из внучек (дочь Ивана) оставила себе и уже своей дочери фамилию деда. Молодое поколение оказалось смелым и переехало из Южно-Сахалинска в Санкт-Петербург, позднее сюда были привезены родители. Иван в районе бывших царских огородов построил трёхэтажный особняк для всей своей семьи. Но, к сожалению, он умирает от онкологии 25 июля 2012 года. Фаина живет в окрестностях г. Всеволожска со старшей дочерью Лидией, Фаине – 94 года. Мария (ей 90 лет) с дочерью осталась на Сахалине; Анна – ей 84 года унаследовала родительский дом и проживает в г. Хабаровск с дочерью и внуками.

Печальна участь братьев Захара и Леонтия, ожидавших этапа на Колыму. В дни ожидания умирает отец Иван Родионович – человек, достойно исполнивший постулаты реформы П.А Столыпина по переселению с Поволжья на Дальний Восток, и так бесславно почивший в безымянной могиле на берегу бухты Золотой Рог в несостоявшемся для него принудительном путешествии на Колыму.

Этап состоялся в 1932 году – это были первые заключенные, самое начало подневольного труда на Северо-Востоке страны в системе образованного треста (ноябрь 1931г.) Дальстрой.

Почему такой маршрут этапа? В 1928-30 годах Колымскими экспедициями Геолкома (1-ой и 2-ой) была установлена перспективная золотоносность бассейна р. Колымы – вот и определение маршрута.

На долю первых заключенных в этом белом безмолвии без дорог и жилья, без топографических карт, выпало самое трудное – строить бараки, обустраивать морской причал в бухте Нагаево, строить пересыльные пункты для вновь прибывающих заключенных, строить плоты для сплавов по рекам для геологических партий, строить дороги и мосты, участвовать в виде рабочей силы в самом начале золотодобычи (в 1932 году были добыты первые 500 кг металла).

Поэтому 2 декабря 1932 года приказом по Северо-Восточному трудовому лагерю ОГПУ была разрешена колонизация заключенных:

1. Право колонизации предоставляется всем заключенным, пробывших в лагерях не менее года.
2. Колонист работает в качестве вольнонаемного, получая зарплату.
3. Колонисту предоставляется право переселить к себе семью с оплатой проезда за счет Дальстроя.
4. Колонисту выделяется на обзаведение необходимым имуществом безвозвратная ссуда.
5. Члены привезенной на Колыму семьи колонистов пользуются правом первоочередного получения работ на предприятиях Дальстроя.
6. Колонист работает.

Основная задача колонизации – перевоспитание заключенных и освоение Колымы. Этот приказ и послужил основанием для приезда семей с материка к своим полуосвобождённым кормильцам.

А как жили семьи Леонтия и Захара на материке после репрессий? Жили практически в скитаниях, голодали, болели, отдавали детей в услужение в семьи

специалистов, обслуживавших местные лагеря заключенных (например, Бамлаг).

Супруга дяди Лёвы Евдокия Мироновна (урожденная Ерофеева, 1904-1982г.г.) на момент трагедии с двумя дочками и своей матерью срочно покинула Загорную Селитьбу и обосновалась на железнодорожной станции Шимановская вместе с родителями. Когда наступила пора колонизации Колымы, и тётке Дуне было предложено ехать к мужу, родители были категорически против поездки. Но всё равно, она собрала по силам нехитрый скарб, двух доченок и ранней весной 1932 года отправилась в свой добровольный этап на Колыму на три десятилетия.

У моей мамы Анастасии Кирилловны, Осиповой по рождению, жизненные обстоятельства были сложнее – у неё на руках осталось семеро детей. Куда и к кому можно было поехать, кто и где мог ждать её с таким количеством голодных ртов? Помощником у неё был её отец Кирилл Осипов. В период 1930-31г.г. жили в своём доме (дом и всё хозяйство было отобрано только у деда Ивана Родионовича). Сеяли зерно на хлеб, лён, табак – пользовались землёй на заимке Вяхиревых, соседей по деревне. Старший брат Степан работал на лесозаготовках, ездил в г. Хабаровск на заработки и привозил вкусную копченую рыбу.

Зимой 1932 года мама покидает родную деревню, бросает дом, скотину, и что самое страшное – сжигает иконы. Каким мужеством обладала в этот момент женщина, мать семи детей, не владеющая грамотой. Несмотря ни на что посадила всех своих деток в сани (дело было зимой) и отправилась в неизвестное. Проезжали деревни, через которые раньше возили пшеницу на продажу. Добравшись до станции Михайло - Чесноковская, приобрели билеты, чтобы добраться до железнодорожной станции Биракан. Там проживал кто-то из маминных родных - Осиповых. Близкие приютили маму с детьми временно, потом жили в землянке, потом в доме на горе (так вспоминает сестра Ольга). Дети переболели ветряной оспой – особенно досталось Ане – ей было всего два года. Мама и старший брат Степан устроились к евреям делать клёпку для бочек. Дети

собирали хворост для топки; кедровые шишки и черемшу собирали и продавали на вокзале. Ольгу и Таню (им было соответственно 13 и 11 лет) мама отдаёт в прислуги в семьи учителей. Безусловно всё это было от отчаяния; что могли делать эти девочки, каким опытом они владели. Скорее всего эти сестрички работали за хлеб.

В это время
отец и она остается

умирает мамин
без помощника.

В 1933 году, самом страшном и голодном, мама возвращается в район г. Свободного, где тоже находились мамины родственники, и пытается обустроиться в деревне Бардагон. Снова новое место, снова житейский неуют, болезни детей, и самое страшное – голод. Старшие девочки снова были отданы в услужение и в тех семьях они собирали любые съестные остатки и тем кормили младших ребяташек. Собирали весной мороженые овощи с полей, ходили по дорогам и просили милостыню, из картофельной шелухи мама стряпала оладьи.

Постепенно в Бардагон перебираются бывшие по Загорной Селитьбе

соседи – это было относительным спасением. Беда сплачивает людей. Рядом с Бардагоном располагался совхоз, в который старший брат устроился трактористом. Он перевозит всю семью в совхоз, мастерит очередную халупу, и здесь уже наступает положительный перелом в жизни семьи. Мама устраивается работать на крольчатник, где перебирает овощи и что-то может в шароварах принести домой. Какое - то время детвора посещала школу. В этот период в семье появляется Анастасия (в быту Надежда) Мясникова – они со старшим братом решили пожениться. Она работала поваром в совхозной столовой и помогала маме, чем могла.

В середине лета 1935 года маму повесткой вызывают в милицию железнодорожной станции Михайло- Чесноковская. Можно представить состояние женщины, у которой куча детворы, муж осуждён, и неизвестно, жив он или нет. От потрясения, вызванного страхом, мама появилась в милиции практически больной. Ужаса добавил допрос представителя милиции – издевательский и унижительный. Видя, что женщина от испуга может умереть на допросе, переменяет тон разговора и сообщил маме, что муж жив и вызывает семью на Колыму. Мама дала согласие и её сразу же положили в больницу с диагнозом тиф. Семья потеряла маму. Фрося, самая смелая из детворы (хотя ей было всего 12 лет) обратилась к руководителю совхоза, чтобы отпустили Степана с полевых работ. Он, как старший, всё выяснил, согласился с решением мамы на поездку. Мама проболела 2 месяца – сказалась 5-летняя борьба за жизнь детей, за выживание.

После выхода мамы из больницы начались сборы в дорогу. От отца были получены деньги, чтобы одеть и обуть детей, запастись продуктами. Везли с собой посильную часть собранного урожая, мама – крестьянка запаслась семенами. Директор проявил чувство сострадания к женщине, помог – выделил машину, помог с погрузкой в вагон-теплушку с печкой для приготовления пищи в пути следования.

По прибытию во Владивосток этот поезд встречало несколько машин

(у нас никогда ничего не бывает неожиданным) – в поезде ехало много таких семей. Машинами все были доставлены в транзитный лагерь. Он располагался в 6 км от Владивостока на Чёрной Речке. Плыть до бухты Нагаево должны были 5 суток на пароходе Сучан – я представляю, как маме было в тягость ожидание этапа. На пароход садились в сутолоке – кто-то из детей что-то потерял, у кого-то оторвалась подошва у туфли и её в спешке привинтили проволокой, нашли потерянное лоскутное одеяло – и поплыли.

Пароход был грузовой, никаких кают – и семьи колонистов и заключенные были размещены в трюмах-твиндеках с многоярусными нарами. Во время плавания пережили шторм в 8 баллов. Тот, кто выдерживал качку, помогал морякам на камбузе и в помещениях.

Прибывшие в Магадан в августе 1935 года семьи были размещены в транзитке на 4 – ом км колымской трассы. Семей было много, все бараки и даже клуб были заполнены. Отец разыскал свою большую (9 человек, включая невестку на сносях) семью на сцене клуба. Ему было позволено только увидеть своих и удостовериться в реальности долгожданного события. Столько было слёз от радости встречи, от пережитого страха, от лишений и унижений. Для папы был удивителен материнский подвиг в условиях бесчеловечного бытия – супруга сохранила жизнь своим детям, в день суда над отцом она родила ещё одну дочь и её сберегла, совершая многочисленные переезды в поисках покоя для семьи, женила старшего сына. Ну и смелость и мужество уже этих двух женщин, матери и невестки, - тронуться в путь, в неизведанное и неизвестное. Отец сразу же скрытно забрал с собой младшего сына Агапия (ему было 7 лет) и уехал с ним на Усть-Утиную – это был район сам ой первой золотодобычи и там были сосредоточены лагеря заключенных. Там же поблизости строился мост через реку Колыму.

Когда закончился карантин, дезинфицированы одежда и пожитки (прокаливание в спецпечах), всех загрузили в кузовные автомобили с печками для обогрева и караван тронулся в путь на север до правого берега реки Колымы,

минуя многочисленные перевалы. Когда караван прибыл на место, там уже лежал снег, а на ручьях – лёд.

Для семей были выделены бараки, дети школьного возраста начали учиться, старшие приобретали профессии: Оля стала телефонисткой, Степан осваивал автодело. 28 ноября 1935 года у него родилась дочь Валентина.

Весной 1936 года младшая детвора переболела чесоткой – их лечили в лагерном лазарете. Мир не без добрых людей. Отец и дядя Лёва весь печальный период заключения не разлучались; у них были общие друзья, по несчастью. Среди них был Николай Тюнягин – этот человек, по-видимому, был связан со снабжением и помощь его нашей семье в это время была бесценной. Когда дети находились в лазарете, он приносил им всякие диковинные по тем условиям сладости (шоколад, халву, конфеты, сухофрукты). И пока длилась вся эта лагерная вакханалия, его фамилия в нашей семье всегда вспоминалась с благодарностью.

Весной 1936 года часть колонистов с семьями (в т.ч. семью отца) были возвращены на побережье, в бухту Гертнера, в поселение Ола. Здесь была уже отстроена целая улица одноэтажных бараков для семей колонистов. Расконвоированные отцы семейств занимались заготовкой рыбы для прибывающих на Колыму договорников и новых этапов заключенных, ну а матери с повзрослевшими детьми внесли в быт поселения огороды. Местные орочи и тунгусы занимались только охотой, рыбалкой и выпасом оленей и лошадей. А русские крестьянки взялись за землю – она здесь была малопродуктивной. Но был скот, была рыба – это было прекрасным удобрением. Именно первые колонисты стали первопроходцами земледелия в будущем Ольском районе Магаданской области.

Самым главным занятием матерей было ожидание рождения детей. Органами НКВД в этот период было выдано около трёх десятков свидетельств о рождении младенцев. У меня оно датировано №28 от 1 декабря 1936 года, 25 января 1937 года у дяди Лёвы родится дочь Татьяна, у старшего брата Степана 29 августа 1937 года появиться дочь Галина.

В 1937 году отца и дядю Лёву с семьями снова переводят вглубь Колымы уже на левый берег реки в совхоз Эльген. Этот поселок станет нашим пристанищем на целое десятилетие. Строительство этого совхоза с 1934 года именно в долине реки Таскан было обусловлено географическим положением – обилием протяженных выровненных пойменных террас, пригодных для пашен и огородных полей, а главное – летние температуры достигали сорока градусов тепла. Совхоз – огромное хозяйство и здесь будет создан самый крупный на Колыме лагерь заключенных женщин (до 2000 человек), мужское население будет представлено заключенными колонистами и списанными с горных приисков «доходягами». События тех печальных лет описаны в романе Евгении Гинзбург «Крутой Маршрут». Это всех нас она называла вольняшками.

Прибывшие в совхоз семьи расселяли в дома барачного типа. Нашей многодетной семье досталась изба из двух комнатушек. Отец был устроен на работу конюхом на конбазу, а дядя Лёва – на местную электростанцию.

Но недолго длилась идиллия семейного бытия колонистов – они только начали обустраиваться, и вдруг всё снова изменилось. Репрессии 1937-38 годов, прокатившиеся по всей России, коснулись и заключённых колымчан, не зависимо от статей срака и статуса. На должность начальника Дальстроя был назначен Павлов Карп Александрович (человек двухметрового роста с кличкой среди лагерного люда – дылда). Все расконвоированные колонисты в июле 1938 года снова были посажены под конвой и отправлены в приисковые лагеря. Бедные жены и дети, снова обманутые и осиротевшие. Согласно семейной легенде, отец в лагере попал в ситуацию с предстоящим расстрелом. В этот период эта мера наказания для руководителей лагерей была своеобразным развлечением. И в этот раз мир оказался не без добрых людей – нашего отца от расправы спас Курицын Александр Васильевич. До конца его жизни был нашим другом и наставником. Когда начались процессы реабилитации, тогда всплыли все карательные процессы в быту лагерей, когда за любую провинность, за болезни наказание было либо карцером, либо расстрелом. В 1956 году господин

Павлов К.А. застрелился, видимо непосильной оказалась ноша преступлений под его руководством.

Как жила семья без отца зиму 1938-39г.г.? Степан работал шофером, Оля трудилась в детском садике, Таня начала учебу в Магаданском горном техникуме. Была возможность запастись овощами: мама с детворой вырастила урожай картошки, на совхозных полях заработали капусту. Мама раздобыла семена табака, вырастила и всю зиму продавала высушенные размолотые листья по 15 рублей за спичечный коробок. Дядя Лева не был забран в лагерь, он трудился на электростанции, утром и вечером он должен был отмечаться у властей.

Наконец в конце августа 1939 года, когда полетели «первые белые мухи» - снежинки, возвратился из лагеря наш отец. Мне было около трёх лет, и в памяти ребенка запомнилось окошко и стучащий в него человек, весь заросший бородой. Это было окончание десятилетнего срока заключения, но оставались ещё 5 лет поражения в правах, без возможности перемещения даже по территории Колымы. Этот момент семейного счастья был увековечен в серии фотографий: вокруг отца и матери – 11 человек детей, в том числе невестка и две внучки. Фотографиям более восьмидесяти лет, но качество съёмки и печать вызывают уважение – плохих работников, даже фотографов, в лагеря не сажали.

Папа радовался освобождению, радовался общению с повзрослевшими детьми. Гордился тем, что дочь его – студентка. За отца радовались и по-доброму завидовали ему заключенные женщины, работавшие с ним на скотном дворе – у этих несчастных дома на материке тоже остались дети.

В 1940 году в нашей семье появилось ещё три младенца. У сестры Ольги 25 января родилась дочь Галина, 8 июня моя мама в 44 года родила дочь Верочку – это был последний одиннадцатый ребёнок в её женской судьбе (два младенца погибли в младенчестве в 1915-17 годах). И 10 июля в семье старшего брата Степана родился сын Анатолий.

Повзрослевшие дети со своими семьями покидают родителей. Первой засобиралась на материк Ольга с супругом Шустровым Анатолием Лазаревичем и маленькой дочкой. Отец, побывав снова в лагере, пообщавшись с вновь прибывшим контингентом заключенных, как и все был осведомлен о надвигающейся беде – как он уговаривал зятя не трогаться с Колымы. Как только началась война, с Колымы никого не брали на фронт, была бронь. Добыча золота – это тоже был фронт, это были будущие танки и самолёты. Осенью 1940 года Оля с мужем прибыли в г. Ульяновск, в июле 1941 года зятя призвали в армию и через два месяца пришло известие о том, что Шустров А.Л. пропал без вести при защите Ленинграда.

Степан с супругой и уже с тремя детьми перебирается во вновь строящийся поселок Сеймчан. В связи с открытием месторождений полезных ископаемых на прилегающих территориях, Дальстрой в поселке организует Юго- Западное горнопромышленное управление. Строится всё заново: жильё для инженерно- технического персонала и военизированной охраны лагерей, специальные постройки для заключённых. Параллельно необходимо было строить сельскохозяйственные предприятия – теплицы, парники, поля с ирригационной системой, скотные дворы, дома службы жизнеобеспечения. В 1943-44 годах нужно было строить ещё и взлётно-посадочную полосу. Это был тяжелейший труд и огромный человеческий подвиг.

Сестра Татьяна прервала учёбу в техникуме (он прекратил работу). По просьбе начальника Дальстроя Таня с группой однокурсников отработали весь промысловый сезон на одном из приисков, добились права закончить первую магаданскую школу, получить аттестат и отправиться на учёбу в г. Хабаровск. Их было шесть девушек. Они закончили учительский институт, все вернулись на Колыму и отдали учительскому делу по несколько десятилетий.

Сестра Ефросинья также покидает родителей и уезжает в г. Магадан. Работает там и в торговле, и в других службах. Но главным местом работы для неё стал архив конструкторского бюро Дальстроя. Эта организация проектировала буровую разведочную технику для приисков, готовила всю документацию для строительства дорог, мостов, промышленных зданий. В 1942 году 5 февраля у неё родился сын Владимир; но брак не состоялся и младенца усыновил Тонких Александр Савельевич. Этот брак был долгим до последних лет их жизни. Александр Савельевич работал в системе УСВИТЛа – главная охрана лагерей. Его работа была связана с фельдъегерской службой. Поэтому судьба супруги и сына были под надлежащей охраной, была домработница-литовка (после реабилитации долго дружили), были поликлиника и пайки. Таким был быт всех, кто был причастен к власти, пусть даже маленькой.

Семья Леонтия Ивановича проживает в окрестностях Эльгена (Усть – Таскан) до 1943 года. За это время у них появляются дочь Софья(06.02.1939г.р.) и сын Александр (16.06.1942 г.р.).

В Таскане строится теплоэлектростанция – к ней специально была подведена узкоколейная железная дорога, по которой подвозился уголь с близлежащего месторождения бурых углей. И дядя Лева с семьей в 1943 году переезжает в Таскан и устраивается работать кочегаром на теплоэлектростанцию, где работает до 1952 года.

В 1952 году дядя Лева с семьей переезжает в город Магадан, устраивается на работу кочегаром в первую котельную. Перед устройством на работу ему был предоставлен отпуск с выездом в г. Куйбышевку Восточную Амурской области, где после 23 лет разлуки он встретился со своими братьями и племянниками. В г. Магадане по ул. Нагаевской дядя Лева с семьей купили домик с огородом. Я с теплотой вспоминаю этот дом, где всегда встречали всех нас, племянниц и племянников, теплом, уютом, добрым советом. Помню плиту в этом доме с множеством кастрюлек на ней, закрытых одеялом - всегда угостят всех пришедших.

В 1966 году дядя Лева с супругой покидают Колыму. Но опять они не возвращаются к деревенской жизни в родной Загорной Селитьбе, а устраивают свою жизнь в г. Краснодар. Здесь с супругом и сыном проживает дочь Татьяна (1937 г.р.). Как пострадавший от политических репрессий и реабилитированный дядя Лева получил трехкомнатную кооперативную квартиру и дачный участок. Тогда была достаточной пенсия, чтобы жить и посещать своих родственников. Так, в 1976 году он посетил Хабаровск, Магадан, Сеймчан, навестил всех родных, проживающих на Дальнем Востоке.

Леонтий Иванович умер 15 октября 1977 года. Его жена, Евдокия Мироновна, скончалась 17 сентября 1982 года.

Старшая дочь Леонтия Ивановича, Теодора Львовна (такие имя и отчество она выбрала сама), посвятила свою жизнь торговле. После окончания торговых курсов во время войны, до выхода на пенсию, она трудилась в организациях торговли г. Магадана. После выхода на пенсию, Теодора переехала в г. Краснодар, жила с родителями. Дочь Теодоры – Светлана, юрист по профессии, живет в Москве. Теодора Львовна скончалась 18 декабря 1985 года.

Марина Леонтьевна после учебы в школе совхоза Эльген была занята комсомольской работой. Выйдя замуж за Егорова Ивана, в 1951 году, покидает Колыму и обосновывается в г. Новосибирске. В ее семье появились сын Виктор и дочь Ирина. Когда Леонтий Иванович переехал в Краснодар, Марина, находясь в разводе, с детьми переезжает к постаревшим родителям.

В настоящее время Марина Леонтьевна (ей 90 лет) со всей своей большой семьей проживает в г. Краснодар.

Татьяна Леонтьевна, окончив в 1954 г. среднюю школу в г. Магадане, поступила в сельскохозяйственный институт г. Горького. После окончания института Татьяна по распределению была направлена в НИИ сельского хозяйства в г. Краснодар. Она вышла замуж, родила сына Игоря и очень рано (возрасте 33 лет) ушла из жизни 3 июля 1969 года. Для родителей и для всех нас это была трагедия. Таня была всеобщей любимицей.

Софья Львовна, окончив среднюю школу в г. Магадане, родила двух дочерей. Покинула Магадан, проживает в настоящее время в Туапсе со своей внучкой.

Александр Леонтьевич окончил среднюю школу в г. Магадане, горно-геологический техникум и работал в лаборатории горно – промышленного оборудования ВНИИ – 1. В 1991 году эти службы были упразднены, Александру пришлось покинуть Колыму. В настоящее время Александр проживает в Читинской области, занимается фермерством.

В совхозе Эльген остаются два сына Афанасий и Агапий, три дочери Анна, Раиса и Вера. Старшие учились в школе, мы с Верочкой домовничали с мамой. Мы жили в небольшом доме с кирпичной плитой, разделенном на две комнатки. В зимний период тепло дома делили с нами куры – для них оборудовался специальный курятник. Он строился не до потолка и в этой нише мы дети играли, а может быть и спали. Мимо дома проходила дорога. В одном направлении вдоль неё располагались механические мастерские, почта, школа; а в противоположном – больница, баня и дом малютки, где воспитывались дети, родившиеся в неволе. Сколько раз мы видели этих мамочек, шедших строем под конвоем, чтобы побыть со своими детьми. Нам было страшно, и мы были рады, что наши мамы были рядом с нами.

Дорога проходила вдоль бровки надпойменной высокой террасы, и детская память сохранила такой эпизод: было сильное весеннее половодье, и мы вся детвора собрались посмотреть на бушующую стихию. По недосмотру старших я оказалась в воде и меня вытаскивали за загривок. Детство было бедным, я не помню ни книг, ни игрушек. Мы играли с соседской ребятнёй в семье начальников, как бы подражая их возможностям и свободе. Подрастая, нам хотелось со взрослыми ребятами ходить на природу, вброд через протоку, за сбором ягод, грибов, дикого лука. Это были наши главные развлечения вне дома и это были наши главные витамины. Когда нас не брали в поход, и мы капризничали, отец нас наказывал не ремнём, а взглядом – укоряющим и

строгим. В такие моменты у нас формировалось прекрасное чувство послушания.

Я не помню голода. Вспоминается магазин, куда мы с мамой ездили с саночками. Он располагался рядом с теплично – парниковым хозяйством – маленькая территория магазина была заставлена бочками с квашеной капустой, соленой горбушей и сельдью, бидонами с молоком. Иногда молоко продавалось замороженным в кругах. В центре круга скапливались сливки в виде бугорка (так замерзало молоко на морозе) и этот-то бугорок всегда хотелось отгрысть первым, пока молоко не растаяло, или кто-нибудь из детей не опередил. В годы войны в магазине появилась белая мука (маисовая), кусковой шоколад и мясные консервы с ключиком для открывания. Я сохранила в память о маме металлическую баночку из-под чая. Но самым главным продуктом вспоминается кисель из овса. Размолотые зерна овса сначала заквашивались, потом отцеживались и из этой массы варился кисель. Особый запах и вкус киселя, который не улетучился из памяти за 80 лет, придавал именно процесс заквашивания – это чисто крестьянский староверский рецепт самосохранения.

Праздники – помню только новогодние ёлки сначала в доме малютки, потом в школе. Игрушки готовились своими руками и почему-то вспоминается акрихин – им все раскрашивалось, всё было жёлтым. Память о школе – это классный руководитель, репрессированный немец с Поволжья; табеля за 1 и 2 классы изготовлены им как грамоты с каллиграфией высокого мастерства. День Победы 9 мая 1945 года вспоминается чётко: мы дети, подняв к небу головы, искали на горизонте Знамя Победы. Нам никто из взрослых не объяснил, что это всё на другой стороне планеты. Просто это была радость для всех, хотя никто из нас не представлял себе, как это страшно, когда была война.

Закончив неполную среднюю школу (7 классов) наша Аня пошла работать на почту. Деньги в многодетном доме были не лишними.

Клуба в совхозе не было – он только строился – и зимой 1945-46 г. г. мы впервые в жизни увидели настоящий концерт – клуб принимал агитбригаду артистов, заключенных из Магаданского лагеря. Десять лет спустя будучи

студенткой Магаданского горно-геологического техникума я посещала музыкальные спектакли моего детства (они в то время продолжали быть ещё в неволе). Талантливые они пережили на Колыме не сладкую судьбу.

Наступил апрель 1946 года. В памяти моей – ясный солнечный день, дорога с деревянным настилом, по нему движутся, жестикулируя и громко смеясь, отец и дядя Лева. Они светились от счастья. В этот день они получили от охранных властей полное «отпущение грехов». Закончены десятилетние срока по статьям 58-8-10 и пятилетние срока поражения в правах. Семьи сохранены, численно увеличились за счёт колымского прироста. Оба получили право перемещения пока только по территории Колымы. 1957 год реабилитации был ещё очень далеко. Дядя Лёва с семьёй пока остаются в Усть-Таскане, а мы все отправились в посёлок Сеймчан.

Перевозились на двух машинах, одну из которых вёл Степан. Я и Аня сидели в кабине и наблюдали необыкновенно красивый рассвет, когда солнце поднималось из-за вершин гор и Аня самозабвенно пела песню «Окрасился месяц багрянцем». Для меня эта песня как гимн – память об обиде и в то же время обретенной радости и свободы. Помнится начало пути от Эльгена до моста через реку Колыму. Дорога проходила над крутосклонными прижимами и это вызывало детский страх.

В Сеймчан мы въехали в начале апреля 1946 года через арочные ворота по улице Лазовской, по которой можно было бы не останавливаясь доехать через 25 км до оловянных рудников Лазовского рудного узла, минуя Юртовский мост через речку Сеймчан и экзотическую гору, в народе именуемую «Половинка». Арочные ворота при въезде в любой посёлок Колымы были обязательным атрибутом поселкового обустройства.

Посёлок поразил детское воображение размерами, чёткой системой пересекающихся улиц, это был посёлок городского типа. Как центр горнопромышленного управления он строился заново – в качестве примера можно назвать строящиеся 2х-этажные управленческие здания и кирпичное

здание дома культуры. Строительные леса вокруг новостроек иногда были местом наших игр.

Поселок раскинул свои владения на абсолютно плоской поверхности надпойменных террас, образованных местом слияния рек Сеймчанки и Колымы. Здесь нашлось место самому посёлку, аэродрому, совхозным хозяйствам, лагерям заключённых – последние были главной рабочей силой на стройках, в рудниках, в обслуге. Облик посёлка определяли три прямолинейные улицы направления север – юг; с востока окружала улица, частично по пойме Сеймчанки - она была технического назначения. Вдоль улиц были кюветы с ажурными мостиками через них и деревянные тротуары. По улице Красной размещались все охранно-сторожевые службы, а своим северным концом она упиралась в лагерную зону – нам детям было категорически запрещено там появляться. На улице Ленина располагались временные здания управления с домом приезжих, жилые дома для ИТР, поликлиника, магазин, столовая и почта. По улице Лазовской с одной стороны размещался стадион (он занимал целый квартал), с другой стороны были производственные объекты – лесозавод и пожарная. В северном конце улицы при выезде на оловянные рудники располагались заправка и склады горнорудного оборудования. Был больничный городок, где лечили всех, живущих в посёлке. На берегу Сеймчанки располагались гаражи, продовольственные склады и баня – для чего и нужна была эта окружная дорога по пойме речки. Значительную территорию занимала школа – три учебных корпуса и здание интерната, где проживали в период учёбы дети аборигенов – оленеводов и сотрудников ближайших рудников. В школе было полное среднее образование; в старших классах учащихся было не более 10 школьников на класс, а младшие классы были заполнены в пределах нормы.

Стадион был уникален для того времени. Поскольку мы приехали в поселок в начале апреля, всё ещё было в снегу и на стадионе вокруг футбольного поля была расчищена и залитая льдом беговая дорожка-роскошь и диво. Была крытая многоярусная трибуна, была танцплощадка с нишей- раковинной для оркестра, площадки для волейбола и баскетбола, турники и гигантские шаги.

Ворота на стадион были объемные ажурные с фигурами спортсменов перед внешним входом.

Напротив стадиона располагался клуб – в нём было всё: зрительный зал со сценой и балконом, фойе, зал для репетиций. С противоположной стороны здания находился спортзал и библиотека. Именно с этого читального зала началась моя книжная грамота. Я помню фамилию женщины-библиотекаря Бильдзюк (её супруг работал топографом на руднике) – её участие в подборе книг, в пояснениях. С Валентиной Яковлевной Поляковой (её муж был расстрелян как ленинец) я училась играть на пианино. Всё это для нас, детворы, выросшей рядом с печалью, было открытием и их бескорыстность, и желание открыть перед нами мир знаний.

По улице Чапаева, начинающейся от обрывистого берега речки Сеймчанки располагались бараки, многоквартирные дома с отдельными входами и просто самострой. Здесь поселяли семьи колонистов, договорников и освободившихся заключенных, навечно остающихся на Колыме. Среди последних был талантливый художник с Украины Гриценко Иван Емельянович – он так и упокоился на сеймчанском кладбище в 1976 году. Исполнил «наказание» сполна.

Всей нашей семье, включая семью Степана, выделили половину барака, по две комнаты с большими окнами, которые закрывались снаружи ставнями, общим коридором и сараями, один из которых где обитала живность, отапливался, другой холодный – там хранились дрова, бочки с квашеной капустой и морожеными ягодами. Все удобства были на улице и в поселковой бане; воду для питья доставлял водовоз – к дому подъезжала лошадь с конюхом и огромной деревянной бочкой, наполненной водой.

Отец сначала устроился в строительную-эксплуатационную контору на плотницкую работу по обслуживанию поселка, затем продолжил трудиться на бензозаправке – в мои обязанности входило носить ему еду в дни его дежурства. Степан и Гена работали водителями, а из Афанасия получился отличный фрезеровщик. Таня (она со своей семьёй жила отдельно) преподавала в школе математику, иногда исполняла обязанности руководителя интерната, была

бессменным начальником летних пионерских лагерей. Анечке можно было бы пойти учиться (ей не было ещё и шестнадцати лет), но она переросла уже возраст школьницы 8 класса, поэтому снова вернулась на почту оператором связи. Мама была просто мамой, хозяйкой – всех нужно было накормить и обиходить. Потом огород и вся живность – это тяжелый труд. Мы все старались ей помогать, но это было её личное поле битвы за выживание семьи.

Хронология воспоминаний о новом месте жительства начинается с весны 1947 года и ассоциируется с денежной реформой, отменой карточек – вспоминается всеобщая радость. Ведь это тоже был своеобразный элемент свободы. Сегодня трудно поверить: таз с красной икрой, гора кетовых балычков, крабы натуральные в баночках. Конечно это мы не ели каждый день, но это было в наличии.

Половодье 1947 года было настолько сильным, что смыло ту самую объездную дорогу, размыло берег и возникла угроза зданиям, расположившимся на берегу. Было срочно организовано строительство укрепляющих берег дамб. Низкие борта террас устилались в несколько слоёв лиственничными досками, покатообращенными в сторону русла. Вдоль высокого берега строились трёхгранные призмы-быки из толстых стволов брёвен, внутреннюю часть которых заполняли гравием. Какую-то часть работы исполняли заключенные женщины, совсем юные. Поскольку это всё происходило рядом с домом, нам разрешалось подходить и чем-нибудь угостить их. Многие из этих женщин после освобождения остались на долгие десятилетия в Сеймчане и при встречных разговорах с благодарностью вспоминали наш детский подвиг.

В это же лето я попыталась поплавать рядом с домом в протоке на лодке, принадлежавшей отцу. Течение казалось тихим, но всё-таки лодка стала удаляться от берега. Я испугалась и выпрыгнула, но лодку причалить к берегу у меня не хватило сил. Лодка уплыла, я в слезах вернулась с повинной домой. Меня отец не наказал, но по его взгляду я поняла, что причинила ему боль. Всё разрешилось благополучно, но могло быть очень опасным для отца.

Отец лодку разыскал, но для меня это была наука – не рискуй, не бери на себя больше, чем можешь.

Наш детский досуг в зимнее время принадлежал школе, всяким кружкам, новогодним праздникам (новый 1948 год я встречала в костюме советский рубль в честь прошедшей реформы). Запрещалось зимой далеко уходить от дома, чаще играли на крыше своего барака – там было тепло от печных труб. Повзрослев, строили снежные замки (иногда для туалета), прыгали с крыши гаражного ангара – он был рядом с домом. Первая в жизни домашняя ёлка запомнилась подарком отца – яблоки красивые, но мороженные.

А летом перебирались в пионерский лагерь. В 1946-49 годах он располагался в совхозе Верхний Сеймчан в 25 км выше по течению реки Колымы. Совхозное хозяйство объединяло теплицы и парники, коровники и конюшни, поля для посадок картофеля и капусты. Всё это находилось в ведении вольнонаёмного начальства, а рабочей силой были заключённые женщины. Здесь тоже был дом малютки – женщины и в неволе умудрялись исполнять свою природную функцию. Связь с совхозом осуществлялась зимой по зимнику, а летом по руслу могучей реки на катерах, глиссерах и на пароходе с колесами и трубой (фильм Волга-Волга). Начало пути для нас детворы было событием – посадка на катер или пароход осуществлялась через настоящий дебаркадер. Путешествие занимало немного времени, но вспоминается оно как бесконечное детское счастье. Территория пионерского лагеря была обустроена добротнo – два спальных корпуса, столовая, клуб, трибуна с флагштоком. В старице реки Колымы была оборудована купальня из досок – нас купали по очереди маленькими группами. Просматривая фотографии того времени, я отметила – мы всегда были группой, были строем и обязательно под присмотром взрослых. Нас наблюдала врач Шабурникова Зоя Павловна, был спортивный тренер и художественный руководитель.

За три года жизни в Сеймчане особых поездок не было. Единственный раз мы с мамой и Верочкой отправились по узкоколейной железной дороге от Уголь-Эльгена (поселок шахтной добычи угля) до Усть-Таскана, где была ТЭЦ и где

жила семья дяди Лёвы. Ещё сохранилась в памяти поездка в г. Магадан. У меня обнаружилась близорукость, мама повезла меня к окулисту, за очками. Город запомнился уютным, засыпанным сажей от работавшей котельной; по строительным лесам строящихся каменных зданий передвигались строители – пленные японцы.

В описываемый период главным развлечением в поселке был клуб – он всегда был переполнен. Смотрели все в основном трофейные фильмы – они были сделаны корректно и ограничений для просмотра я не помню. Художественная самодеятельность была обычным занятием в жизни поселковых активистов. На берегу реки Колымы в берёзовой роще располагался дом отдыха для работников горнорудного управления.

Ответственность за выживание была в природе крестьян- колонистов, поэтому вокруг бараков у всех возникли огороды – корчевали, огораживали и выращивали овощи.

Вспоминается трудовой быт семьи, включая детей – работа в огороде, уборка во дворе, распиловка дров – всё делалось вместе. Сбор дикоросов был обязателен осенью – организовывался выезд на перевал за брусникой, в долине реки Сеймчанки собирались рябина, голубика, шиповник и грибы. Поэтому зимой в холодном сарае всегда хранились замороженные витамины.

Какими вспоминаются родители? Строгий отец с глубочайшей моральной травмой от всего, с ним произошедшего: утрата родной усадьбы, родного быта, родителей, лагерь и устрашающие растрелом камеры и как следствие тяжёлая болезнь в последний год жизни. Мама – мужественная в своём отчаянии «декабристка», добровольная рабыня – мать 9 детей. Когда ей было нас баловать, ласкать, уделять каждому особое внимание. Прежде всего всё в семье нужно было успеть, предусмотреть, предупредить, угодить отцу. Может быть её угнетало незнание грамоты, невозможность самой зарабатывать деньги. Всё могло быть. Но была семья и была ответственность. Однажды уже разделанную тушу поросёнка выкрали из сарая – нужно представить безмолвный гнев отца и слёзы мамы. Может быть наше послушание, посильная помощь были ей

поддержкой в кропотливом быту. Мы старались её не обижать на фоне распространяющейся на всех домочадцев строгости отца. У мамы болели ноги (трофические язвы). Она носила мужские сапоги. Бывали случаи венозного кровотечения – снимет сапог, выльет кровь и снова за работу.

Мама была удостоена ордена Материнская слава 1 степени за рождение и воспитание 9-ти детей. Сам эпизод вручения ордена не помню, но пользование льготами при покупке продуктов в магазине только для начальства прекрасно помню. Когда я уже училась в техникуме и приехала в Сеймчан на каникулы, мне попала в руки газета «Металл Родине» и в ней на первой странице хвалебная лакированная статья о нашей семье и о маме. Её уже не было в живых, мы все побывали на материке, и все вернулись на Колыму. Почему при жизни было не поблагодарить её за человеческий подвиг, за самоотверженность? Позднее я сама себе задам тысячу раз почему.

Не всё было спокойно в нашем огромном семействе. У Тани происходит разрыв с супругом, и он увозит (1947 год) с собой на материк общего трёхлетнего сына Серёжу. В пути до Саратова мальчик заболевает и умирает – это была первая потеря в нашей семье. Это было горе для матери и для бабушки, как бы их вина, как позволили увезти, как допустили? Афанасий восстал против отца и ушёл жить в общежитие. Мама очень переживала, с нашей помощью его подкармливала. В 1948 году Афанасий покидает семью и уезжает на материк в Белогорск (тогда Куйбышевка Восточная) Амурской области. Там уже обосновались дети дяди Андрея, через год туда же переберётся из Ульяновска сестра Ольга с детьми.

В 1948 году заболевает туберкулёзом старший брат Степан – его лечила официальная медицина и преданная супруга. Мы специально выращивали щеночков собак для жира, которым кормила его жена. Жестокая необходимость. Он лечился долго, получилось результативно.

В 1949 году 11 сентября умирает наш отец Захар Иванович Пчелинцев. Ему было 55 лет. Он знал о своей болезни и завещал маме вывести детей на материк, что она и осуществила в июне 1950 года.

За все прожитые годы (1946-50) в Сеймчане во времена Дальстроя никто никогда не напоминал нам о нашей судьбе – она у всех была одинакова. Все были законопослушными, все с нетерпением ждали решения властей, все ожидали возможности переезда на материк. Отсидевшие в лагерях по десятку лет представители интеллигенции делились с нами знаниями бескорыстно: учили любить книги, учили нас музыке, учили любить природу и гордо носить голову. Когда нашу Татьяну приняли в партию ВКПб, для нашей семьи это было событие, это лозунг – дети за отца не отвечают!!! Отец расплакался, когда узнал об этом – для него изгоя был преподнесён такой подарок.

В июне 1950 года мама вместе с младшими детьми (Гена, Анна, Рая и Вера) вылетает в г. Хабаровск, далее поездом до железнодорожной станции Куйбышевка Восточная. Ольга, приехавшая в этот городок годом ранее, уже получила жильё и работу буфетчицы в общественном доме питания. Где жил Афанасий, не помню. Дом для покупки мама нашла на берегу реки Томь, левого притока реки Зея. Это был остров, отделенный от города обмелевшей протокой. Денег на дом пришлось просить у детей – колымчан. Эксплуатация дома требовала мужских рук, но дети Аня и Гена сразу же покидают маму – Аня возвращается в Сеймчан, а Гену призывают в морфлот. Афанасий работал на ремонтном заводе далеко от дома. Нам трудно было жить на материке, можно сказать даже голодно. Меня и Верочку устроили в школы в разных частях города. Автобусов не было. Зимой в школу ходить было холодно. В первое лето мама, прихватив меня в попутчицы, поехала в г. Свободный к своим сестрам – они были в насильственной разлуке двадцать лет. Маме конечно хотелось побывать в Загорной Селитьбе – это было почти рядом – узнать судьбу своего покинутого дома. Но она не рискнула удовлетворить своё любопытство; всё тот же страх оберегал её.

Весной 1952 года стало известно о смертельной болезни мамы – сказались годы нечеловеческих лишений. На семейном совете было решено увезти меня в Магадан после окончания 8-го класса. С мамой я прощалась в больнице – ей была сделана уже бесполезная для неё операция, было горько и страшно. Мне хочется думать о том, что мама жалела о покинутой Колыме, тосковала по могиле отца, её угнетала разлука со взрослыми детьми – её помощниками. Господи, как её жаль. Степан, возвращаясь с крымского курорта, захватил, чтобы забрать меня на север. Мы с ним добрались до бухты Находка, где ждали пароход отпускники – колымчане. Здесь я впервые поела свежую клубнику. На причале появился пароход «Ильич», до экспроприации он назывался «Адольф Гитлер». Начало плавания было осложнено недоразумением – Степан с компанией друзей где-то на берегу задержались и отплывающий пароход они догоняли на специальном катере. Можно было представить моё состояние – девчонка без денег,

документов, одна в море. Но всё благополучно разрешилось. Плавание было со штормом, страх перед стихией.

Мама умирает 14 сентября 1952 года. Она прожила всего 56 лет.

Младшая сестренка Верочка остаётся одна на руках сестры Ольги, у которой своих было двое подростков (дочь и сын). Поэтому в начале 1954 года Анна, возвращаясь из отпуска проездом, забирает нашу младшую сестрёнку на Колыму, где нас снова семь человек – два брата и пять сестер.

Это был своеобразный рубеж в жизни нашей семьи. Больше никто никогда не решался покинуть Колыму. Были отпуска с посещением материковских родственников, с радостью возвращались домой. Приближающийся пенсионный возраст озаботил нас всех заpastись кооперативным жильём, которое строил Магаданский облизполком для ветеранов – северян. Вера с Юрой наследовали дом свёкра – отца в Липецке, а я построила в Свердловске кооперативную квартиру сама.

Родителям не было бы стыдно за своих детей – среди нас не было воров, приспособленцев и предателей; чувство локтя и плеча всегда были главным в отношениях среди нас. Для меня геолога помощь сестёр была неоценимой. Помогли окончить техникум, поступить и учиться в институте, они воспитывали мою дочь, когда я уезжала на всё лето в полевые партии на всё лето. Степан Захарович работал в молодости водителем, последние годы трудился хозяйственником в системе ЖКХ. Татьяна Захаровна, окончив учительствовать, сначала возглавила отдел народного образования, потом общий отдел в райисполкоме и завершила свою трудовую деятельность руководителем районного пенсионного отдела. Я уже писала о том, что Фрида Захаровна отработала всю жизнь в г. Магадане в архиве конструкторского бюро Дальстроя, а потом Совнархоза. Анна Захаровна всю свою жизнь до последнего часа посвятила почтовому делу. Последние 15 лет она возглавляла Союзпечать – сколько людей набивалось в друзья, чтобы получить вожделенную подписку – приложение к «Огоньку». Я в поселке пережила три здания почты – для меня

почта была окном в мир. Это и подписные издания профессиональной литературы, многочисленные газеты, журналы, письма и открытки; посылки, которые посылались с излишками груза при возвращении из отпуска. Наши мужчины Геннадий Захарович и Юрий (супруг Верочки) проработали многие десятилетия водителями большегрузных машин, доставляя по колымской трассе грузы в поселки области. Перевозка грузов в сильные морозы и жаркие летние месяцы по грунтовым дорогам – труд рискованный и тяжёлый.

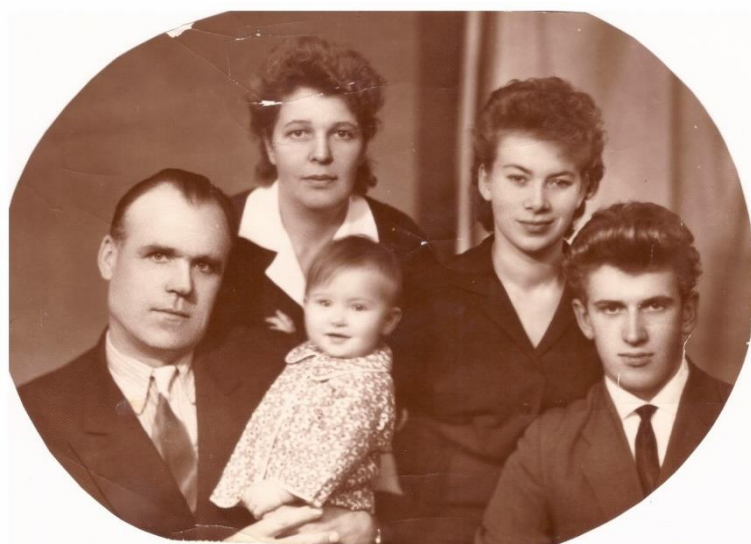
Я не идеализирую наш северный быт. Все мы отжили своё в бараках, постепенно по выслуге лет переезжали в более цивилизованное жильё. Всё для быта приобреталось в магазинах Сеймчана и Магадана, иногда по спискам, ну и по благу, конечно. Фотоаппараты, магнитофоны, радиоприёмники, а особенно книги (книжный магазин вызывал зависть у приезжих с материка) – всего этого было в достатке. Для украшения быта что-то привозили из отпуска. Для покупки одежды были местные портнихи, а в отпуске – это был ГУМ в Москве, ДЛТ и Пассаж в Ленинграде.

Мы жили, старели. Каждому Господь отметил свой срок и своё место ухода в мир иной. По логике должна была бы соблюдаться возрастная очередь. Но наша Аня (07.02.1930 – 01.06 1980 г.г.) всех опередила – она возглавила список печали. Её не стало в час ночи 1 июня 1980 года. Она умерла от онкологии, 3 дня была в коме, также уходил из жизни наш папа. Аню провожал весь поселок – гроб для прощания был установлен в фойе дома культуры и весь утопал в свежих пионах – их привёз с материка приехавший проститься с сестрой Афанасий Захарович. Фотографировали печальную панихиду племянник Володя Тонких и мой супруг Фёдоров Борис Тихонович. Упокоилась она рядом с папой в одной оградке на сеймчанском погосте.

Её супруг Иванов Антон Вакулович женился снова и закончил свои дни в г. Старая Русса Новгородской области. Сын Сергей живёт более 40 лет в г. Ленинграде. Он вдовец, у него дочь Анна и две внучки 5-ти (Таисия) и 6-ти (Маша) лет.

В 1988 году в мае месяце ушёл из жизни супруг сестры Фриды Тонких Александр Савельевич (1914-1988 гг.), в 1993 году не стало самой Фриды. Я была в гостях у сестры в г. Воронеже, и мы с ней были на могиле зятя; в начале двухтысячных годов меня на кладбище водила уже внучка моей покойной сестры. Очень рано ушёл из жизни их сын Владимир. Его дочери Виктория с сыном (живут в г. Магадане) и Александра с дочерью Мариной (живут в г. Воронеже).

Степан с Надей покинули Колыму летом 1971 года в г. Краснодар, где Магаданский облисполком построил для колымских коммунальщиков пять пятиэтажных кирпичных домов.

Брат продолжал трудиться – следить за насосами, подающими воду в эти дома. Два десятилетия квартира Степана Захаровича была для всех нас своеобразной гостиницей. Мы собирались в ней все: их дети с семьями, дядя

Лёва с семьёй, отпускники – колымчане, даже дети дяди Маркела (мы ведь их не знали). Брата не стало 6 июня 1989 года в возрасте 76 лет.

Надя какое-то время проживала одна. Младший сын Владимир появился в Краснодаре с супругой во втором браке и обманным путём лишил мать квартиры. Была несправедливая «грязная» делёжка наследных денег от реализации этой квартиры, брат-инвалид был лишён жилья, и старшие дочери были вынуждены забрать в Ленинград и маму, и брата. Надя скончалась 11 мая

2000 года в возрасте 85 лет и похоронена в районе железнодорожной станции Сиверская – там проживает Валентина Степановна с сыном и внуком и Анатолий Степанович. Анатолий слеп и практически глух из-за перенесённого в детстве менингита; за ним нужен постоянный уход, который организует Валентина с нашей помощью. Мать Надежда Михайловна перед смертью завещала старшей дочери заботиться о брате – инвалиде. Мне хочется отдать дань уважения памяти своей невестки, той самой, которая в 1935 году рискнула поехать с семьёй мужа на далёкую Колыму. Её детство в Приамурье было тяжёлым. Территория, где располагался её дом, был оккупирован японцами. На её глазах японская солдатня застрелила её маму и маленького брата. Мало того, вытащили трупы из погреба, где они прятались, и штыками искололи тела погибших. Спаслись отец и она. Потом началась каторжная жизнь с мачехой – всё как в сказке «Золушка». Поэтому в свои 20 лет она решила освободиться от гнёта, поторопилась выйти замуж и уже отдалась под власть нового бытия и новых неизведанных событий. Для моей мамы в тот период Надя была и помощницей, и поддержкой. Она родила и воспитала четверых детей, вместе с ними осваивала грамоту, спасала от смерти мужа, болевшего туберкулёзом, работала уборщицей в школьном интернате. Мы все любили её и уважали – она была среди нас старшей. Надя обеспечила двум двоим дочерям возможность получить высшее образование (Ленинградский финансово-экономический институт).

Старшая Валентина вернулась на Колыму, захватив с собой будущего супруга, где они оба проработали по 40 лет. Уже на Колыме ей удалось устроить мужа в лётное училище в г. Ульяновске, куда они отправились оба – муж учился, она временно работала. Снова вернулись на Колыму и Борис Михайлович Долбышев работал диспетчером в аэропортах посёлков Сеймчан и Билибино. Валя трудилась в облисполкоме экономистом. Сейчас Валя проживает в Сиверской, она- вдова, ухаживает за братом- инвалидом. Младшая дочь- Галина после института осталась в Ленинграде, работала в городских службах финансистом, она тоже вдова, воспитала сына и двух внуков. Младший сын Владимир проживает в Москве. Два его сына с ним не общаются, Алексей живёт в Питере, Александр – в Магадане. У Алексея – дочь, у Александра – два сына.

Геннадий с Екатериной перебрались на материк в 1988 году в город Липецк, но прожили там недолго. Первым не стало Гены. Ему было всего 66 лет. Печальная дата – 7 апреля 1994 года. Снова безжалостная онкология.

5 апреля я была в Липецке проездом из г.Краснодара и узнав о том, что Гена в больнице, естественно мы с сестрой Верой, постоянно там проживающей, поехали к брату. Встреча была печальной. Он жаловался на свою болезнь как на наказание за проступок в далёком детстве – когда мама убежала с детьми из деревни, им пришлось уничтожить иконы и церковные книги – какая их вина во всей этой трагедии. Через два дня Гены не стало – я успела с ним попрощаться. После смерти Гены его супруга Екатерина осталась одна, тяжело заболела, ослепла и умерла. Старший сын Игорь с женой и дочерью занимаются бизнесом на Дальнем Востоке (Магадан – Таиланд). Дочь Елена с двумя дочками проживает на Украине (где-то под Киевом). У меня о её судьбе нет никакой информации.

Жизнь Афанасия в г. Белогорске не была лучезарной. После смерти мамы (он был уже женат, у них уже был сын Валерий) Афанасий разбирает мамин дом и перевозит его с «острова» на территорию рядом с заводом, где он работал фрезеровщиком. Заново восстанавливает дом, рождается сын Сергей. К сожалению, в доме всегда была нужда, не было радости и знаний. Брат был жесток, попивал, погуливал. Надежда Ефимовна (в девичестве Шукшина, родом с Алтая) все 42 года брака старалась сохранить семью, создать детям достойную жизнь. Сыновья не получили образования. Первым покинул отчий дом Валерий.

Он отслужил в армии, работал докером в морском порту Нагаево, здесь он первый раз женился, у него родился сын Андрей. Позднее он трудился на рыболовных траулерах в Охотском море. Он женился во второй раз, у него родились две дочери, и он решил заняться фермерством в сложное время развала страны. Сейчас он проживает на пенсии в г. Владивостоке в третьем браке с супругой Людмилой. Помогает своему двоюродному брату Игорю в бизнесе. Валерий гордится тем, что у него растёт внук Афанасий – память об отце. Второй сын Афанасия – Сергей остался верен г.Белогорску, после службы в армии вернулся домой, женился, у него родился сын Роман. Но брак распался. Причина – предательство. Сергей попал в автокатастрофу, его собирали по частям, лежал в больницах почти год и супруга не справилась со своими обязанностями. Естественно алкоголь привёл в действие свой приговор: Афанасий умер 24 сентября 1994 года, спустя всего полгода после ухода Геннадия. Афоне было 68 лет. Надя пережила супруга на 9 лет и умерла 19 мая 2003 года Сергей ухаживает за могилами родителей и своей бабушкой – моей мамы. Я была в г. Белогорске в 2011 и 2012 годах и в беседах с Серёжей я уловила ноту сожаления о бесславно сложившейся судьбе семьи. Вопрос – было бы лучше, если бы Афанасий не покинул Колыму в 1948 году. О чём судить – жизнь прожита. Сейчас задача внуков и правнуков утвердить в образовании, в профессии, в работе.

Оля прожила всю свою вдовью жизнь в г. Ульяновске, рядом с семьями дочери и сына, отработав пенсионный стаж в системе торговли. Жизнь не была лёгкой. Развал страны, неработающие заводы, беднота. Оли не стало 24 января 1999 года. Она нашла свой вечный покой рядом с могилами сына Юрия и его супруги Валентины, внуком Алексеем и зятем Владимиром. В г. Ульяновске продолжает жить Олина дочь Галина и дети Юрия с семьями. Внук Галины живёт в Германии, изредка перезваниваются.

Таня со своей дочерью Ириной остались на Колыме навечно. Почему-то Таня не смогла уехать в свою кооперативную квартиру в г. Йошкар-Ола. Причиной была болезнь Ирины, маленькие девочки – внучки. В 1975 году Таня переезжает из Сеймчана в Магадан, получает по обмену однокомнатную квартиру на улице Вострецова и занимается лечением дочери и воспитанием внучек. 10 июля 1993 года умирает Ирина – повторный инсульт. Таня переживает смерти своих двух рождённых ею детей. Очень тяжело. Таня выдала замуж обеих внучек, успела познакомиться с правнуками Ваню и Сашу и своих внуков Катю и Тёмочку. Я простилась с Таней ещё в 2002 году в апреле месяце, когда я приехала к дочери Насте в связи с предстоящими родами. Мы сфотографировались на память, через год её не стало.

У меня хранится около двух сотен её писем. Может быть, я виновата в том, что не перевезла её к себе на Урал. Это моя вина. Таня и Ирочка упокоились рядом на 17 км колымской трассы – вечные хранители нашей северной судьбы. В г. Магадане пока остаются внучки Тани -Таня с мужем Александром и сыновьями Александром и Павлом и Таисия с мужем Дмитрием и сыном Иваном. Они тоже в скором времени переедут на материк, квартиры их уже ждут в Москве и Петербурге.

Верочка с Юрой прожили вместе более 50-ти лет. С Колымы в г. Липецк они переехали в 1977 году.

Юра до выхода на пенсию трудился водителем в пожарной охране, Верочка была на пенсии по инвалидности (она унаследовала болезнь мамы – трофические язвы) Они проживали в наследном частном доме с массой проблем, с бесконечными перестройками, переделками, огородом, парниками. Сначала выращивали живность, потом огурцы и рассаду на продажу. Всё это был титанический труд, всё это было в ущерб здоровью. Сын Андрей окончил лесотехнический институт в г. Королёве Московской области. Сейчас живёт в Москве, работает в муниципалитете, у него супруга Людмила и сыновья Алексей и Роман. Дочь Наталья пошла работать на сталелитейный завод, сейчас трудится в торговле, живёт с супругом Андреем в частном доме. Их дочь Леночка, внучка Веры, проживает в доме бабушки. Работает диспетчером в котельной и подрабатывает парикмахерским трудом. У неё растёт малыш. Родители уходили из жизни друг за другом. Сначала не стало Юры – у него случилась пневмония, с которой он не справился (), а в апреле 2013 года умерла Вера от перитонита. Она очень тосковала о муже. Я виню себя в том, что не настояла на операции – жили в удалении друг от друга, не заботились. Ранний уход из жизни Юры и Верочки были для меня огромным потрясением – ведь они были моложе меня.

Я осталась одна из девяти сёстр и братьев. Ушедшие братья и сёстры унесли с

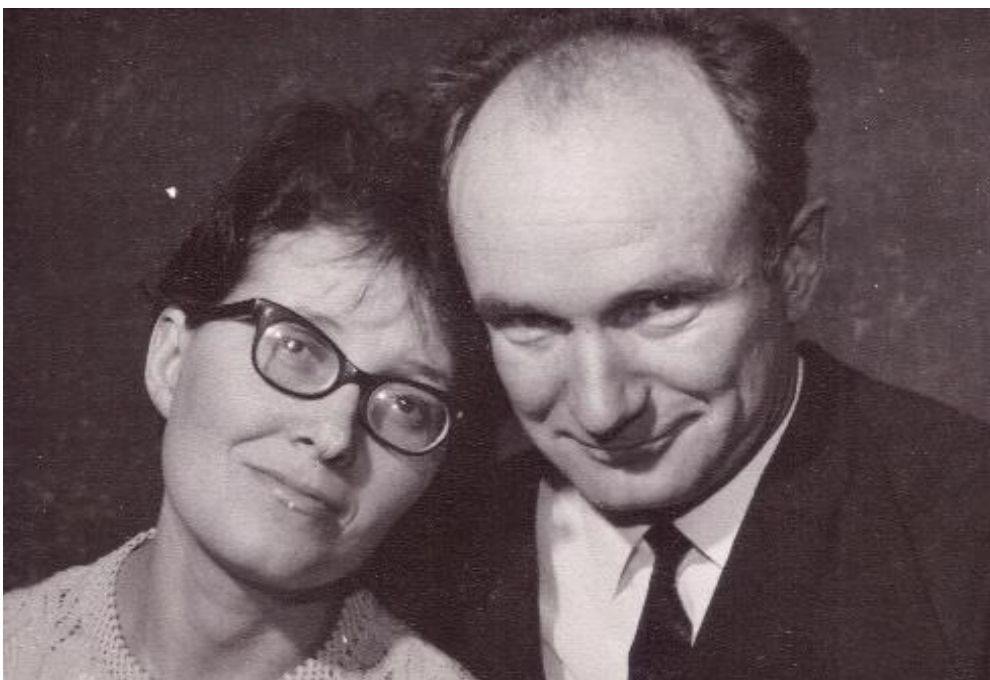
собой возможность вспомнить о прожитом, не с кем поделиться семейными новостями – остались одни фотографии и письма....

Спасением моим и если хотите достоянием была моя профессия – сейчас сложно по отдельности описать быт и работу. Всё у меня было сплетено в тугий узел и геология составляла весь смысл и в семье, и на производстве. Всю свою бродяжью жизнь я опишу отдельно в воспоминаниях о полевых сезонах за период 1954 – 1986 годов.

Я закончила сначала Магаданский горно-геологический техникум (1955 г.), в 1966 году завершила учёбу в ВЗПИ –Всесоюзный заочный политехнический институт) в Москве. У меня две дочери: Марина (1961г.р.) и Анастасия (1971г.р.).

Мой муж, Федоров Борис Тихонович. Мы вместе с 1968 года.

Федоров Борис Тихонович окончил Щучинский (Казахстан) горный техникум и с 1952 года работал на Чукотке и Колыме. После выхода на пенсию в 1988 году мы поселились в г. Свердловске. Конечно, хотелось бы построиться где-нибудь в центральной России, но не судьба была. Мы прожили на Урале двадцать шесть лет (1988-2014г.). В первые годы всё было новым, необычным и чужим. Потом, когда рухнула страна, стало страшно и голодно. Рухнули накопления, все страховки, пенсии были настолько урезаны (куда-то исчезли северные надбавки), что пришлось идти подрабатывать. Сначала это была почта, потом работа в кооперативе, а напоследок – служба дворниками в детском саду на протяжении восьми лет. Привычка быть отличниками производства заставляла нас трудиться на территории садика, как на собственной даче – садили саженцы кустарников, различных цветов, Борис Тихонович косил газоны. Мы оба с мужем были неоднократно премированы грамотами – власти района приходили на экскурсии.

В это же время мы рядом с домом (вдоль железной дороги) разрабатываем участок земли и тоже превращаем в весьма продуктивную дачу – сказку: обилие цветов, клубники, всякой зелени, огурцов и помидоров. На протяжении лет двадцати я снимала приличные урожаи, особенно клубники. Внуки тоже

подрастали на этой даче, дочери и зять радовали нас шашлыками, когда приезжали в отпуск.

В 1998 году бывшие мои коллеги – геологи, знакомые по северу и не знакомые, проживавшие на пенсии в г. Свердловске, пригласили меня принять участие в сборе материалов для издания альманаха «Уральцы геологи на Колыме и Чукотке». Я безусловно согласилась, мало того, я стала членом редколлегии этого издания. Мы оповестили около трёхсот специалистов – бывших выпускников уральских горных институтов и техникумов. Геологи откликнулись как на исповедь. Поступавшие бандероли со статьями и фотографиями были наполнены словами благодарности своей профессии, своей причастности к открытиям рудных и россыпных месторождений, бесконечной любви к северу, покорённому белому безмолвию. Особенно трогательны воспоминания геологов, прошедших войну, плен, лагеря Гулага – они были самыми первыми исследователями колымских и чукотских недр, а это 1930 -1950 годы, самые необустроенные, самые тяжёлые годы.

В эти годы жизни на Урале в статусе молодых пенсионеров мы продолжали лыжные прогулки в ближайшем лесопарке, просто маршруты по окрестностям, занимались фотографией, но не так активно, как на Колыме. У меня огромная коллекция вышивок крестиком – целая галерея классики на стенах в квартирах дочерей и у нас дома.

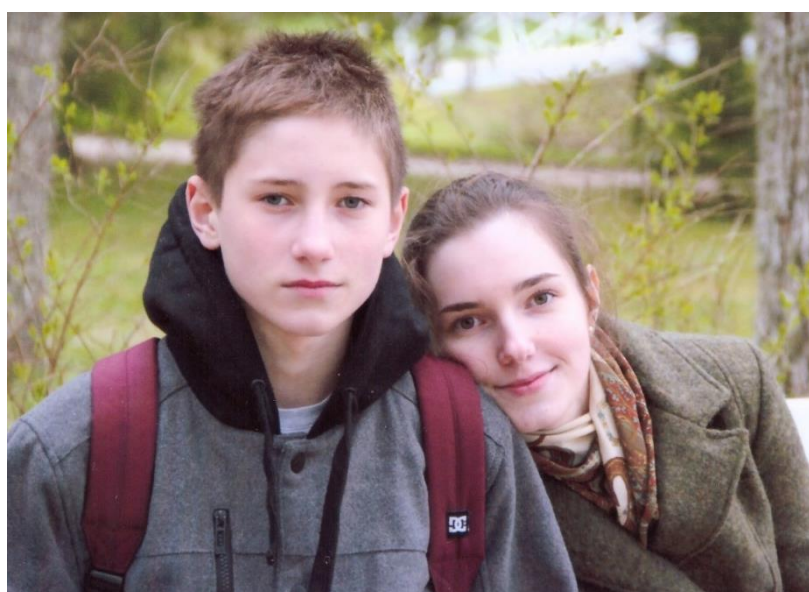
В 1994 году наша дочь Настя закончила Уральский медицинский институт, с мужем Кочетовым Владимиром Александровичем уехала в г. Анадырь, в 1996 году они переехали в г. Магадан. У них родились Катенька (1997г.р.) и Артем (2002 г.р.). Настя работала врачом – инфекционистом. Володя служил в службе тыла в Анадыре и Магадане, уволился на пенсию в звании подполковника.

Построив жильё в Питере, они покидают Магадан в 2012 году. А в августе 2014 года наши дочери и зять перевозят нас поближе к себе в Санкт -Петербург.

Катенька наша в этом году (2019г.) заканчивает бакалавриат Санкт-Петербургского государственного университета, далее у неё в планах магистратура.

Наш внук Артём серьезно занимается водным поло. Он является игроком молодежной сборной Санкт-Петербурга. Мы все в ожидании олимпийских побед!!!

Наша старшая дочь Марина проживает в Питере с 1978 года – приехали поступать в университет. Но не получилось, а возвращаться домой на Север категорически отказалась. Она много лет отработала в строительстве, в системе обеспечения теплоснабжения Санкт –Петербурга.

Борис Тихонович 7 марта 2019 года отметил 90 –летний юбилей, а в браке мы с ним уже более полувека.

Обо всех я, мои дорогие читатели, проинформировала, как сумела, какой информацией с определённой долей допуска владела и что нашла нужным о своих родных всем вам сообщить. Я не знаю, какими словами закончить эту летопись, но одно точно хочу сказать: «Не было бы счастья, да несчастье помогло» - так всегда говорила наша старшая сестра Татьяна Захаровна Жукова. Колыма навсегда в памяти, в душе, в каждой клеточки мозга. Боль и обида за родителей, за деда, за дядю Лёву супругой – они навсегда в сердце, это невозможно забыть и тем более простить.

Я тысячу раз задавала себе вопрос – за что были осуждены мой дед и три его сына? Допускаю мысль, что за веру – дед был старостой в староверческом скиту. А сыновья с семьями – не изъявили желания вступать в коммуну, в совхоз. Тогда почему такая статья 58-8-10? Как можно забыть и простить собственные жизни с унижительными допусками что положено, что нет, с убийственными анкетами. Почему для нашего отца справка о реабилитации была выдана мне только в 1992 году, хотя реабилитирован отец был 28 июня 1958 года. Говорят, дети за отца не отвечают – ещё как отвечают: и негласный надзор, и невозможность поездки на какой-то форум за пределы области, ограничения в допуске к рабочим материалам, отказ в путёвке для поездки на запад. Грустно.

В 1992 году я попыталась обратиться в суд за компенсацией в связи с утратой имущества моим отцом. Я запаслась свидетельскими показаниями своих старших сестёр – они ещё были живы. И когда я обратилась к председателю суда со всеми своими бумажками и показаниями, этот охранитель права мило мне улыбнулся и задал вопрос, смогу ли я документально подтвердить, что было и что отобрано. Я от смущения потупила взор, а он меня успокоил словами о том, что нас таких много и я поняла, что и он такой же и что нам ничего не положено.

В тот период (когда рухнули все допустимые запреты), шла интенсивная работа с пострадавшими от репрессий. Ведь Урал – это был ещё тот Гулаг, ещё тот размах. Были организованы в параметрах области, города и районов ассоциации жертв политических репрессий. Работа заключалась в помощи поиска документов, социальная помощь – деньги, продукты, культурные

программы. Потрясением для меня было задание произвести какие-то подсчёты в книгах. Их было 10 томов формата А-4 по сотне страниц. Это были расстрельные книги, списки убитых мужчин и женщин. Работа с ними представляла собой ужас, животный страх.

Все дела заключённых, отбывавших срока на Дальнем Востоке, хранятся в областной прокуратуре г. Омска. Когда я обратилась по этому адресу с просьбой прислать мне дело моего деда Пчелинцева Ивана Родионовича, чтобы увидеть его фото. Мне ответили, что все дела заключённых являются государственной собственностью. А дело моего деда в архиве отсутствует, как будто он не жил, испарился. Успокаивает тот факт, что тело его покоится на Чёрной речке в 6 км от г. Владивостока. Место общей могилы отмечено мемориальным камнем – это память о всех ушедших в небытие заключенных. Там же покоится прах поэта И. Мандельштама. Я не востребовала дело отца. Это сделала Марина Леонтьевна, моя двоюродная сестра – дело Леонтия Ивановича Пчелинцева прислали в краснодарскую прокуратуру по её запросу, где она увидела потрясающую картину: на титульном листе папки фамилия, имя, отчество, статья и срок; на последней – информация о реабилитации в связи с отсутствием состава преступления; а внутренние листы папки были заклеены белой бумагой намертво – тут можно подумать: то ли смех, то ли страх.....

Как живут потомки исполнителей этого безумства?

